

- ГРАФИЧЕСКАЯ ЭПИГРАММА ПУШКИНА
- НАСТАВНИКИ И ДРУЗЬЯ
- ПОПОЛНЯЕТСЯ ЭКСПОЗИЦИЯ МУЗЕЯ

ПОРТРЕТ ВРАГА

ОДЕССА. Весна или начало лета 1824-го. Александру I жить осталось полтора года, но об этом никто еще, разумеется, не знает: будущие декабристы готовятся к царевубийству, Пушкин «шалит», рифмует «Онегина» и пополняет список своих врагов — вслед за именем царя в этом реестре появляется имя графа М. С. Воронцова.

Среди стихов — кинжально злые эпиграммы: Полу-милорд,

полу-купец,

Полу-мудрец,

полу-невежда,

Полу-подлец, но есть

надежда,

Что будет полным

наконец.

И еще. Тоже про все-сильного сарпапа южных краев:

Певец-Давид был

ростом мал,

Но повалил же Голиафа,

Который был и генерал,

И, положусь, не прощю

графа.

Певец-Давид — это, конечно, сам Пушкин.

Воронцов, видимо, уже готовит свою месть поэту, и скоро Пушкин отправится в «настоящую ссылку» — в Михайловское. Но пока — теплый край, друзья, любовь, стихи.

А воздух все накаляется, Т. Г. Цявловская подчитала, что в рукописях поэта около тридцати портретов Воронцова (по их числу граф-Голиаф уступает тут только автопортретам самого поэта). Кажется, мы можем добавить в эту «воронцовскую» галерею еще одно изображение.

Этот лист хорошо известен не только специалистам. Поверх черновика незаконченных стихов о французской революции и Наполеоне Пушкин рисует три собственных профиля.

Рисунки, как отмечает А. М. Эфрос, необычные: поэт изобразил себя якобинцем или жирондистом. Во всяком случае, и прическа, и наряд — времен Великой революции.

Нижне фигура биллиардиста.

Где же я видел это лицо?... А, ну, конечно...

Листаю книгу Т. Г. Цявловской «Рисунки Пушкина». На с. 128 — практически идентичный профиль Воронцова. Нет только «чубчика». Но тут нет, а на другом портрете Воронцова, узанном А. М. Эфросом, есть. Там именно этот «чубчик» вырывает из графа античный Давид. (Он и впрямь «ростом мал»: вся его фигура там уместилась на фоне воронцовского профиля).

Показываю рисунок поэту Валентину Дмитриевичу Берестову. Говорю, мол, не могу понять только, что за странное изображение поверх кия Воронцова.

— Почему же странное? Это посмертная маска Наполеона.

Да, действительно! Ведь и стихи «Вещали книжни-

ки, тревожились цари...» — про Бонапарта. И три его профиля на этом же листе «под коленками» у графа... И сходство, сходство!

— Смотрите, а вот еще маска. Над головой Воронцова — мертвое лицо, черный провал вместо глаза.

Итак, графическая эпиграмма Пушкина. Если переводить ее на стихотворный язык, получится нечто острое.

Но почему русский граф и французский император соединены таким образом? Не потому ли, что Воронцов — англо-ман, что он был довольно заметной фигурой в войне с Бонапартом? Не исключено, что он любил похвастать своей ролью в победе...

Как бы то ни было, рисунок, изображающий явно несимпатичного автору биллиардиста, по-видимому, можно расшифровать, идентифицировать.

Каждый штрих пера поэта — точен, из этого мы исходим, и эта аксиома никогда еще нас не подводила. А наше дело — разглядеть эту разящую точность.

А. ЧЕРНОВ.

